

Волшебник сцены

Источник публикации: Антонова, А. Волшебник сцены / Анна Антонова // Гродзенская праўда. — 2013. — 12 чэрв. (№ 66). — С. 8

В Гродно родился всемирно известный театральный художник, портретист, дизайнер, работавший в книжной графике и высокой моде, Лев БАКСТ.

Колыбель Льва

Точную дату появления на свет Лейба-Хаима Израилевича Розенберга (так значится имя Льва Бакста в документах) сегодня установить сложно. Одни источники утверждают, что это произошло в феврале, другие – в марте или апреле, третьи – в мае. Но все они едины в том, что будущий художник родился в 1866 году в Гродно.

Пока в архиве не удалось найти данных о месте жительства семьи Розенберг, - с сожалением отмечает гродненский краевед Александр Гостев. И высказывает предположение, что, как и многие евреи, родители именитого земляка могли проживать в районе современных улиц Советской или Замковой. А учитывая их небедное положение и вовсе не далеко от Старого и Нового замков.

К слову, достаток супругам Розенберг обеспечил дедушка Льва по маминной линии - гродненский коммерсант Бакстер, поставщик сукна для русской армии. Сначала он отдал дочь Васю пятнадцати лет от роду за знатока талмуда Израиля Розенберга. А чуть позже усыновил зятя и содержал всю его семью.

Квартира деда производила на Льва большое впечатление: так красиво, со вкусом она была убрана, вспоминала на склоне лет племянница художника Мария Клячко. Правда, описывала она питерские апартаменты Бакстера. Когда внуку было шесть месяцев, дедушка переехал в Санкт-Петербург и перевез туда семью единственной дочери. При этом жену (бабушку Льва) с собой не взял. По семейным преданиям, она не захотела ехать, так как боялась железной дороги.

От человечков до портретов

Тягу к рисованию Левушка (так на протяжении всей жизни художника звали родные и близкие люди) проявил рано. Отец в меру сил противился. Как талмудист - не еврейское это дело «человечков малевать». И как коммерсант — занятие живописью считалось малоприбыльным. Случалось, даже краски выбрасывал. Но все же Израиль Розенберг был человеком толерантным и, чтобы удостовериться в таланте сына, привел его к скульптору Марку Антокольскому.

Мэтр посмотрел работы Льва и настоятельно посоветовал учиться. Вот только Академию художеств юный Розенберг окончить не захотел: профессора в ней игнорировали новые течения в живописи, и после четырех курсов оставил учреждение.

К тому времени отец умер, и Льву пришлось иллюстрированием детских книг обеспечивать жизнь не только себе, но и младшим сестрам Розалии, Софии, брату Исаю. Параллельно начинающий художник брал уроки живописи у Альберта Бенуа и в первый раз рискнул выставить свои работы в 1889 году под псевдонимом Бакст от девичьей фамилии матери Бакстер.

Через несколько лет в поисках себя Лев Бакст отбыл в Париж. Шесть лет провел между французской столицей и Петербургом, пока в один из кратких наездов не познакомился с «Невскими пиквикианцами» - кружком, организованным Александром Бенуа. В него входили Константин Сомов, Дмитрий Философов, Сергей Дягилев. Очень скоро из «пиквикианцев» выросло знаменитое художественное объединение «Мир искусства», а вместе с ним и известность Бакста. Именно он придумал марку с орлом для журнала «Мир искусства», создал десятки графических иллюстраций. На первых выставках «Мира искусства» художник явил петербургскому свету и пейзажи парижского периода, портреты друзей - художников Бенуа и Сомова, поэта Андрея Белого.

Шагал до Бакста дошагал

В новый век Бакст входил уже признанным художником. Известность принесла выгодные предложения: князь Владимир пригласил давать уроки рисования своим детям, царь Николай II сделал заказ на картину «Встреча русских моряков». Потянулись к мастеру и юные дарования. В 1908 году, когда тот преподавал в петербургской школе Елены Званцевой, учиться у кумира-земляка приехал никому не известный Марк Шагал. Спустя много лет в автобиографической повести «Моя жизнь» он описал, как волновался в ожидании встречи: «Рекомендательное письмо к Баксту мне дал г-н Сэв. Призвав все свое мужество, я взял работы и понес к Баксту на Сергиевскую улицу.

- Хозяин еще спит, - сказала неприступная служанка Бакста.

В доме тишина. На стенах - изображения греческих богов, алтарный покров из синагоги. Все необычно. И, как когда-то я бормотал себе под нос в приемной у Пэна: «Меня зовут Марк, у меня слабый желудок и совсем нет денег, но, говорят, у меня есть талант», так теперь шевелю губами в передней Бакста. Он еще спит, но скоро выйдет. У меня есть время подумать, что я ему скажу».

Вы не лишены дарований, но вы испорчены, - резюмировал он. Однако не

только принял Марка в школу, а даже оплачивал его обучение. Учился Шагал недолго. Бакст не комментировал его работы и, разочаровавшись в себе, Марк забросил учебу.

А когда вернулся в школу, художник готовился к поездке во Францию. Шагал хотел поехать вместе с учителем, но тот отклонил просьбу, дал ученику 100 рублей и посоветовал с пользой потратить их в России. Как бы там ни было, достигнув мировой известности, Шагал отдал должное Баксту: «Судьбу мою решила школа Бакста и Добужинского. Бакст повернул мою жизнь в другую сторону. Я вечно буду помнить этого человека», - написал Шагал в автобиографии

«Пряная» сценография

В 1909 году Сергей Дягилев пригласил Бакста в качестве художественного оформителя «Русских сезонов» в Париже. Уже имевший сценографический опыт (костюм для миниатюры «Умиравший лебедь» блистательной Анны Павловой нарисовал Бакст), художник с головой уходит в работу. Первое, что было доверено ему, - оформление балета в постановке Михаила Фокина «Клеопатра». Современники вспоминали, что Бакст никогда не терзался муками творчества, и как только закончилось обсуждение, стал набрасывать план сцены: «На берегах будет стоять огромный храм. Колонны, знойный день, аромат Востока и огромное количество прекрасных женщин с изумительными телами». Готовя декорации к балету, художник тщательно изучил египетские барельефы. Не меньше внимания он уделил костюмам. Так, при первом появлении на сцене Клеопатра была облачена в покрывала, расписанные египетскими мотивами. Но они быстро спадали с героини, являя зрителям полуобнаженное худое тело Иды Рубинштейн

(любимицы Бакста) в голубом парике.

«Клеопатра» имела огромный успех. Очередных «Русских сезонов» французы ждали и не разочаровались. Летом 1910 года Дягилев, Фокин и Бакст представили «Шехерезаду». Искусствовед Тугендхольд телеграфировал в Санкт-Петербург: «Париж очаровало пряное, сладострастное, яркое, как ткани Востока и самоцветные камни, раздушенное ароматами Востока творчество Бакста». Эскизы к постановке были выставлены в музее декоративных искусств в Лувре и в первый же день распроданы. О Баксте заговорили как о выдающемся колористе, коллеги-художники стали подражать ему. Более того, после «Шехерезады» искусство Бакста вышло за пределы театра. Модной стала мебель в восточном стиле, ковры, цветные подушки,

Мода с большой буквы

Париж был подлинно пьян Бакстом. Великосветские красавицы, одурманенные Востоком, хотели одеваться по-новому и напрямую обращались к Баксту с просьбой о создании гардероба. Мечтали видеть его в числе модельеров и парижские модные дома. Художник не сразу решился связать жизнь с миром «от кутюр». Однако сомнения этического характера скоро отступили на второй план. «Слышала ли ты про Poiret-портного?» - спрашивал в письме Бакст у жены Любови Гриценко, дочери основателя Третьяковской галереи Павла Третьякова. - «На днях он мне предложил 12 тысяч франков за 12 рисунков модных туалетов».

Художник всерьез занялся созданием моделей одежды, головных уборов и обуви. Заказы сыпались на Бакста как от француженок, так и от русских знатных особ. Великая княгиня Елена Владимировна (внучка Александра II), красавицы сестры Елена Олив и княгиня Наталья Горчакова выписывали туалеты по рисункам Бакста из престижных парижских домов моды «Пуаре» и «Уорт».

В 1914 в Петербурге состоялось несколько балов, оформление которых доверили Баксту. Пожалуй, самым знаменитым стал бал цветных париков у графини Шуваловой, для которого из Ниццы был доставлен вагон цветов. Художник поставил условие светским львицам: их парики должны быть выдержаны в одном тоне с цветом платья.

Самые смелые представительницы женского пола, без оглядки следовавшие тренду «а ля Бакст», нередко вызывали улыбку на устах окружающих. Впрочем, слыл большим «чудаком» и сам Лев Бакст. Ходил в желтых ботинках, галстуки в его гардеробе исчислялись сотнями. Слово «Мода» писал только с большой буквы и любил повторять, что покупка новой одежды сродни началу новой жизни.

«Спящая красавица» и Ротшильды

Покорив Францию, Лев Бакст обратил взор в сторону Англии. С 1912 года его выставки проходили в Лондоне в Обществе изящных искусств. Именно там летом 1913 года художник познакомился с представителем известной династии французских банкиров еврейского происхождения Джеймсом де Ротшильдом. Джеймс, возглавлявший парижский филиал банкирского дома, недавно женился, приобрел особняк в Лондоне и искал мастера, который бы расписал гостиную. Сюжетом для росписи Бакст выбрал сказку Шарля Перро «Спящая красавица». До этого Баксту дважды доводилось оформлять одноименный балет Петра Чайковского, но панно в доме Ротшильдов не перекликалось с декорациями и костюмами спектаклей. Художник подарил героям Перро лица семьи Ротшильдов. В роли Прекрасного принца выступил заказчик, его юная супруга Дороти отказалась позировать в образе принцессы Авроры и стала одной из фрейлин. Свое место в работе также заняли портреты отца, матери, брата, сестры Джеймса, его кузенов и кузин, родителей Дороти и даже ее собачки.

Первая мировая война прервала работу. «Спящая красавица» была окончена лишь в 1922 году. К этому времени Бакст успел снискать известность в Америке и Канаде, читал там лекции о моде и костюме, тенденциях в развитии стиля одежды.

Открытие материи

В последний раз модное сообщество Лев Бакст всколыхнул в январе... 2013 года. В московской галерее «Наши художники» с успехом прошла выставка «Лев Бакст: открытие материи». Как оказалось, художник рисовал эскизы для тканей по заказу американского промышленника Артура Селлинга. Но делал это незадолго до смерти в 1924 году. После нее образцы остались у адвоката художника, хранились в фондах института-колледжа; изящных и прикладных искусств Мэриленда, чтобы по истечении почти десятилетия дать толчок новой волне «бакстомании».

Хотя, справедливости ради, стоит сказать, что разговоры вокруг имени Льва Бакста то затухали, то разгорались с новой силой, но не замолкали никогда. Так, в 2008 году Константиновский фонд за 16 миллионов долларов купил собрание князя Лобанова-Ростовского, среди которого были и «лучшие в мире Баксты». Кстати, совсем недешево стоит и «единичный» Бакст.

Если в начале девяностых его небольшие театральные эскизы - акварель и гуашь на бумаге - «уходили» максимум за 60 тысяч долларов, то в конце 2010-х продавались уже в 5-10 раз дороже. Так, эскиз костюма «Голубое Эхо» был выставлен на антикварном рынке за 700 тысяч долларов.

Но даже не эта цифра потрясает. В 2006 году российское издательство

выпустило супер эксклюзивное издание «Лев Бакст. Художественное наследие». Переплет альбома был обтянут натуральной кожей, инкрустирован серебряными каплями и стоил 423 (!) тысяч российских рублей.

Готовя публикацию, **я** ни в одном источнике не встретила воспоминаний **Бакста** о Гродно. **Впрочем**, город платит ему тем же. Из многочисленных работ мастера только одна - картина «Супруги» - экспонировалась на малой родине. Это было в 1989 году...